

ЛИДИЯ
ГРОТ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ МИФ
НОРМАНИЗМА

ПРОИСХОЖДЕНИЕ РУСИ
В ВЫМЫСЛАХ И ДОМЫСЛАХ

КЕМ БЫЛИ ПЕРВЫЕ
СОЛНЦЕПОКЛОННИКИ
ЕВРАЗИИ

АРИИ УШЛИ В АЗИЮ,
РУСЫ ОСТАЛИСЬ В
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

ПРЕРВАННАЯ ИСТОРИЯ РУСОВ

СОЕДИНЯЕМ РАЗДЕЛЁННЫЕ ЭПОХИ

БукиВедия™

Лидия Павловна Грот

Прерванная история русов.

Соединяем разделенные эпохи

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6137355

Прерванная история русов. Соединяем разделённые эпохи / Лидия

Грот.: Вече; Москва; 2013

ISBN 978-5-4444-1376-0

Аннотация

Известная исследовательница, историк Лидия Павловна Грот немало времени посвятила изучению западноевропейских утопических теорий, на которых несколько веков воспитывалось общество. Романтический взгляд на прошлое, стремление максимально прославить «готских и германских предков», придворные политические заказы сильно повлияли на развитие исторической науки. Но если мифы о «шведской» Гиперборее и Атлантиде уже полностью отошли в область фантазии, то другие пережитки, в числе которых и печально известная норманнская теория, ещё держатся в массовом сознании за счёт исторической инерции. В своей новой книге Л.П. Грот приглашает увидеть начальную историю России такой, какой она предстаёт, освободившись от утопических миражей и непроглядного тумана научных заблуждений. Исследование

уводит читателя во времена легендарных ариев, которые были ближайшими родственниками и современниками русов. Вам предстоит отправиться в увлекательное путешествие и посетить древнюю Евразию, в которой от Прибалтики до Алтая люди поклонялись солнцу, трудились, вели торговлю, осваивали огромные территории, а также зарождали те традиции, многие из которых дошли до наших дней.

Содержание

Предисловие	6
Как родился политический миф норманизма	14
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Лидия Павловна Грот

Прерванная история русов. Соединяем разделённые эпохи

*Книга издана при участии ООО КБ «АйМаниБанк» и ООО
«Неформат»*

Знак информационной продукции 16+

© Грот Л.П., 2013

© ООО Издательство «Вече», 2013

Предисловие

Ложь застревает в памяти надежнее, чем правда, – сказал один герой Э. Ремарка. Эта мысль вполне применима и к истории начала российской государственности, которая полна искажений. Ответить на вопрос, как такое могло случиться, – не просто. Дело в том, что из нашей исторической науки выпало или было пропущено очень важное звено – поразительное явление в истории западноевропейской исторической мысли!

Шведский король Карл XII указывает на восток. Памят-

Я имею в виду традицию приписывать своим странам величественное древнее прошлое, основанное на фантазиях. Традиция эта вошла в западноевропейскую историю под названиями готицизма и рудбекианизма и развивалась ни много ни мало в течение XVI–XVIII вв.

Больше всех в этой области преуспели шведские историки, которые создали три фантастические версии древнешведской истории: первая – Швеция была прародиной древнего народа готов и шведо-готы являются основоположниками германской культуры, вторая – Швеция была древней Гипербореей и шведо-гипербореи выступают основоположниками древнегреческой культуры, и третья – «Варягия» находилась на Скандинавском полуострове, ровнехонько на месте Швеции, а шведо-варяги являются основоположниками древнерусской государственности. Эти фантазии поддерживались шведской королевской властью так же рьяно, как и Аугсбургское вероисповедание – официальный вероисповедательный документ лютеран. Они играли роль того, что сейчас назвали бы новой информационной технологией. Смысл ее заключался в том, чтобы через картины величественного прошлого способствовать выработке национального самосознания шведов и сплотить их как нацию. Выдуманная древнешведская история входила во все образовательные программы, по ней учились поколения и поколения шведов того

времени.

Но мало того. Эти произведения старались распространять в Европе, ими повышался и международный престиж Швеции. На Европейском континенте ими стали увлекаться первейшие властители дум. Объясняется это тем, что готицизм, в рамках которого пропагандировалось величие древнего народа готов, очень поддерживался мыслителями Германии, стремившимися с его помощью отражать нападки итальянских гуманистов на немецкоязычное население Священной Римской империи. К XVII–XVIII вв. готицизмом заинтересовались английские и французские мыслители. На этой волне труды шведских историков-фантастов с благосклонностью читали и в Англии, и во Франции. Монтескье, Вольтер писали: вот ведь, надо же какая великая Швеция... была в древности! Этими фантазиями увлекался и Байер, познакомившись с ними через переписку со шведскими литераторами и филологами и затем перевезя их в Петербург как модные достижения западноевропейской мысли.

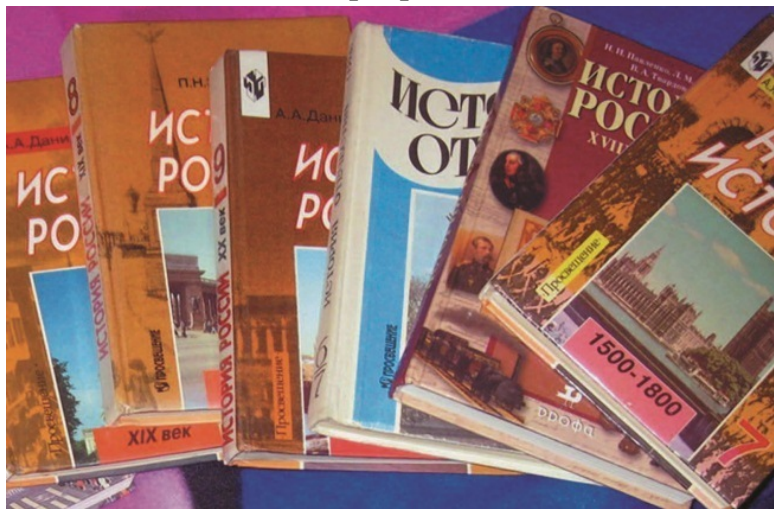
Гулливвер в экзотической академии: «Я вошел в другую комнату, запах был так отвратителен»

Все это показывает еще и уровень западноевропейской научной жизни в XVII–XVIII вв. Были там блистательные ученые, но была и масса надутых посредственностей, которых Свифт высмеял как членов великих академий Лапуту и Бальнибарби, где были популярны многие экзотические «академические» прожекты.

Клио – муза истории. Художник Пьер Миньяр, 1689 г.

Однако время шло, и шведские утопии кусок за куском стали отваливаться с исторического полотна западноевропейской науки. Сначала к разряду причуд фантазии были отнесены шведо-гипербореи. Затем выяснили, что и готы не выходили из Швеции. Так что сейчас из трех фантазий осталась последняя: шведо-варяги с Волчьего острова – так якобы называлась Швеция в древности согласно историозодчеству шведских историков. Научного смысла в этой фантазии не больше, чем в идее гипербореев из Швеции.

И вот здесь мы подходим к ответу на вопрос: как могло произойти, что в России со школы в массовое сознание ввинчиваются идеи, которые не находят научного подтверждения? И в чем причина долгожительства таких истори-

ческих утопий, как идея Руси из шведского Рослагена или идея о безродном наемнике Рюрике, не то завоевателе, не то контрактнике, сочиненных в ненаучной мифологизированной историографии?

Как это ни смешно, но эти утопии в значительной степени держатся за счет их поддержки российской исторической наукой, поскольку до этого в течение многих десятилетий они подпирались всей мощью советской академическо-образовательной системы. Норманнский период в древнерусской истории был упомянут Марксом в одной из его статей, а куда же было деваться советским историкам от статей Маркса? Потому все официальные советские справочные издания, включая БСЭ, как солдаты на политучебе, до сих пор докладывают о варягах как о скандинавах. А сейчас норманизм держится еще и инерцией тех, кто писал в советское время.

Но российскому руководству академическо-образовательной системы пора начать задумываться над тем, почему российские школьники и студенты должны учить историю по программам, созданным в XVI–XVIII вв. для шведских учащихся с целью поднятия у них шведского национального самосознания?

Лидия Грот,
кандидат исторических наук

Как родился политический миф норманизма

Идея о скандинавстве летописных варягов – не выдумка немецких академиков. Это выдумка шведских сановников и литераторов, а немецкие академики выступили лишь ее пропагандистами.

В Смутное время. Художник С.В. Иванов, 1908 г.

Уяснение данного момента крайне важно, поскольку зна-

ние истоков норманизма помогает понять тот факт, что все его постулаты проистекают либо из фантазийного ненаучного источника (а именно выдуманного величия древнешведской истории с участием шведоготов и шведо-гипербореев), либо из конъюнктурных прагматических соображений, примером чему является жизнь шведского дипломата и писателя Петра Петрея (1570–1622).

Шведский принц Карл Филипп

Высказывание о шведском происхождении летописных варягов появилось в работе П. Петрея «История о великом княжестве Московском» (*Regni Muschowitici sciographia*), опубликованной в 1614–1615 гг. на шведском языке в Стокгольме, а в 1620 г. – на немецком языке в Лейпциге. В этой работе Петрей впервые в историографии неожиданно заявил, что варяги из русских летописей должны были быть выходцами из Швеции. Неожиданно потому, что эти слова шли вразрез как с распространённой в XVII а немецкоязычной историографической традицией (Мюнстер, Герберштейн), выводившей варягов с южного берега Балтии – из Вагрии, так и противоречили опубликованному двумя годами ранее собственному труду Петрея о древних гото-шведских королях, где в рассуждениях о древнерусской истории он упомянул о приходе Рюрика, Трувора и Синеуса из Пруссии.

Новое заявление Петрея не опиралось на какие-то вновь открытые источники, а явно родилось как плод двух обстоятельств. Первое – это внешнеполитическая обстановка того времени: военное присутствие шведских войск в Новгороде и переговоры 1613 г. в Выборге о кандидатуре шведского принца Карла Филиппа на московский престол. Второе – это специфика историографической традиции готицизма, сложившейся в Швеции к началу XVII в., в которой особое место занимало прославление готской истории как древнего славного прошлого всех германских народов. Рассмотрим и

то и другое обстоятельство как фон для появления названного сочинения Петрея.

В реконструкции великого гото-германского прошлого большая роль выпала на долю Швеции, поскольку юг Швеции носил название Гёталанда, и эту область по созвучию стали связывать с прародиной древних готов. И маленькая Швеция оказалась в центре внимания широкой западноевропейской общественности того времени. Видения героического прошлого готов как прямых предков королей Швеции нашли горячую поддержку у королевской власти Швеции, благодаря чему данная концепция быстро стала утверждаться в шведской историографии и получила статус официальной истории Швеции. На изображении великих подвигов древних готов стали воспитываться поколения шведов начиная с XVI в. и вплоть до конца XVIII в. Примечательно в этом было то, что в древнешведской истории никакого реального гото-шведского величия не имелось и близко. Готы и выходили-то совсем не из Гёталанда, как сейчас стало дополнительно известно. Все было чистойшей выдумкой, фантомом. Но исторические фантомы во многом определяли идейную жизнь западноевропейских обществ XVI–XVIII вв.

Шведское общество уверовало в свое древнее величие полностью. И более того: мысль о том, что предки шведов — это знаменитые готы, корень всей великой германской куль-

туры, крепко ударила в голову шведских историков и писателей того времени и вызвала к жизни историозодчество самых чрезвычайных масштабов. На этой выдуманной истории воспитывался и П. Петрей.

Norrland

Österland

Svealand

Götaland

Карта исторических земель Швеции: Гёталанд, Свеаланд, Норрланд и шведская провинция Эстерланд в Финляндии

Согласно историку К. Таркиайнену, Петрей родился в состоятельной и именитой семье (его отец Петрус Бенедиктис был епископом сначала в Вэстеросе, а затем – в Линчёпинге). В 1588 г. отец отдал его в училище при бывшем францисканском монастыре, в конце XVI в. уже вполне очищенное от католицизма. В училище Петрей прошёл хорошую подготовку как латинист, изучал теологию, философию и другие типичные для того времени гуманитарные дисциплины. В 1590 г. он отправился в Марбургский университет, пользовавшийся популярностью у шведских студентов, и прошёл там курс математики. Но в это же время у него испортились отношения с семьёй, особенно с отцом, который осуждал его за разгульный образ жизни. В конце концов, за буйное и безнравственное поведение, за вечные истории с властями по причине пьянства и неуплаты долгов Петрей был отлучён от семьи и лишён наследства. Пришлось ему рассчитывать только на себя и на свою ловкость в устройстве карьеры.

В конце 1590 г. Петрей начинает службу в канцелярии герцога Карла, будущего шведского короля Карла IX, в качестве мелкого служащего. Есть сведения о том, что в начале 1601 г. Петрей был отправлен в качестве курьера с письмом в Польшу, к королю Сигизмунду. Таркиайнен отмечает, что,

имея в виду враждебные отношения между герцогом Карлом и Сигизмундом, подобное поручение следовало рассматривать скорее как наказание, а не как повышение по службе.

Здесь следует напомнить, что после смерти Юхана III, правившего в Швеции в 1568–1592 гг., Сигизмунд наследовал по отцу шведский престол. Но еще при жизни отца в 1587 г. он был избран польским королем после смерти Стефана Батория благодаря своим наследным правам по материнской линии. Швеция, в силу этого, оказалась в династической унии с Польшей, как и Литва. Но Швеция со времен короля Густава Васы (1496–1560) приняла лютеранскую веру, а Сигизмунд был воспитан своей матерью как убежденный католик. История европейских стран XV–XVI вв. давала множество печальных примеров того, как трагически складывалась судьба страны, если туда проникали религиозные распри. Стабильность государства требовала, чтобы верховный правитель и страна имели одну религию, – традиция, которая восходила еще к родовым культам древнейших времен. Тревога за то, что Сигизмунд постарается вернуть Швецию в лоно католической церкви и в стране начнется религиозная война, быстро создала этому королю оппозицию во главе с дядей по отцу – герцогом Карлом. Эта оппозиция добилась свержения Сигизмунда в 1599 г. и поставила у власти герцога Карла. Понятно, что не только политические, но и чисто человеческие отношения между двумя этими монархами были отравлены подозрительностью и духом соперни-

чества.

Carl g:ta
officer d:ligt med d:rup
Södermanl:ns l:sten och
L:stg:ldagen 1677

Шведский король Карл IX

В 1601 г. в ходе выполнения курьерского поручения в Польше следы Петрея теряются. Но очень быстро обнаруживаются в Москве. По замечанию Таркиайнена, совершенно неизвестно, как он туда попал, возможно, он был приглашен на службу царем Борисом Годуновым. Полагаю, что в Москву его привел нух авантюриста и желание во что бы то ни стало пробиться и пристроиться у власть имущих. На какой-то царской «службе» в Москве он действительно оказался, но думаю, что пролез он на новое место явно путем интриг и беззастенчивой лжи. В подтверждение своих слов напомним сугубо вкратце ход исторических событий того времени, поскольку о Смуте имеется обширная литература.

Царь Борис Годунов

В 1602–1603 гг. в пределах Речи Посполитой объявился

самозванец, именовавший себя сыном Ивана Грозного – царевичем Дмитрием, счастливо спасшимся от смерти. Обращает на себя внимание тот факт, что в первые годы Смуты и самозванщины правящие круги Швеции и король Карл IX сохраняли нейтральное отношение к событиям в Русском государстве. Объясняется это очень просто. Во время борьбы за шведский трон между Карлом и Сигизмундом все симпатии царя Бориса Годунова были на стороне Карла, поскольку объединение в руках Сигизмунда польской и шведской корон имело бы негативные последствия для Русского государства.

Поэтому когда в Польше появился Лжедмитрий I и многие усматривали причастность Сигизмунда к этому явлению, то Карл IX стал объективным союзником царя Бориса: вражда между Борисом и Сигизмундом была лучшей порукой Карлу IX в том, что союз между Польшей и Русским государством будет невозможен. Но внезапная кончина Бориса Годунова в 1605 г., въезд Лжедмитрия I в Москву летом того же года, коронация его как русского царя, а затем убийство его взбунтовавшимися москвичами через год, в мае 1606 г., вскоре после его венчания с Мариной Мнишек, последовавшее вслед за этим воцарение Василия Шуйского на московском престоле (правил в 1606–1610 гг.) и почти одновременное появление Лжедмитрия II – все эти события вывели на историческую сцену новых лиц и побудили остальных участников переориентироваться в новых условиях и пред-

принять действия в соответствии с обстановкой.

Царь и великий князь Василий Иоаннович Шуйский. Копия из «Титулярника» XVII века

Еще при жизни Лжедмитрия I группа московских бояр во главе с Василием Шуйским выступила инициаторами дипломатической игры сразу в двух направлениях, пытаясь вовлечь в нее как Сигизмунда, так и Карла и благодаря этому освободить себе руки для борьбы с самозванцем, который на тот момент оценивался как самая грозная опасность для существования Русского государства. И тут-то на сцене опять появляется П. Петрей. У историка Р.Г. Скрынникова находим следующий рассказ:

«Вдова Грозного (Марфа Нагая. – Л.Г.) помогла заговорщикам установить контакт с польским двором. Польский гетман Жолкевский сообщил в своих записках, что Марфа Нагая через некоего шведа подала королю весть о самозванстве царя. Можно установить имя шведа, использовавшего поручение Марфы и ее единомышленников. Им был Петр Петрей. Бояре выбрали его потому, что Петрей был лично известен Сигизмунду III и к тому же находился на царской службе в Москве. При свидании с Сигизмундом Петрей заявил, что Лжедмитрий “не тот, за кого себя выдает”, и привел факты, доказывавшие самозванство царя... Петрей имел свидание с Сигизмундом III в первых числах декабря 1605 г.».

Здесь хотелось бы обратить внимание читателя на то, что в существующей по данной теме литературе, как представляется, не получила должной оценки тема дипломатической тактики, использовавшейся в тех запутанных событиях. Хотя всем понятно, что дезинформация, блеф, двойная игра и прочие дипломатические комбинации не являются изобретениями нашего времени, однако старина (особенно старина Московского государства) обычно представляется чем-то более непритязательным и упрощенным. Ниже я попробую показать развитие событий в ракурсе именно дипломатической игры, которая велась в Смутное время всеми его участниками и в которой политические деятели Русского государства должны были проявлять много изворотливости и гибкости, чтобы выбраться из той адской ситуации, в которой оказалась страна.

Присяга Лжедмитрия I польскому королю Сигизмунду III.

Если сравнить сведения Таркийяненна с этим описанием, то несложно угадать, что Петрей мог привлечь внимание кружка московских бояр только благодаря своим хлестаковским рассказам о том, что он и у шведского короля Карла был в милости, и с Сигизмундом был на дружеской ноге, хотя мы знаем, что у Сигизмунда он был простым курьером, а в Швеции вообще – мелкой сошкой, к тому же со службы у Карла в бытность его еще герцогом Петрей просто сбежал. Представляется, что московские бояре, открывшие Петрею свои оппозиционные настроения относительно Лжедмитрия I, не слишком обманывались относительно действительного значения Петрея, но, возможно, именно поэтому мелкая сошка Петрей и подходил для отведенной ему роли в миссии, которая была явным блефом. Петрею было дано понять, что он завоевал доверие боярской оппозиции и избран ею для тайного и небезопасного поручения: отправиться ко двору Сигизмунда, добиться встречи с ним и передать ему информацию о ставшем известным боярам самозванстве царя. Как видно из рассказа Скрынникова, Петрей выполнил эту миссию с блеском: зимой 1605–1606 гг. он получил аудиенцию у короля Сигизмунда, сообщил королю факты, доказывавшие самозванство Лжедмитрия, а также передал предложение московской боярской оппозиции оказать ей поддержку в случае свержения Лжедмитрия.

Но позвольте! – может кто-нибудь воскликнуть. Здесь все как-то неправильно. Можно еще понять, зачем Петрею понадобилось взять на себя поручение к польскому королю: чтобы потом иметь возможность вернуться в Швецию, ко двору Карла IX, и из первых рук донести до шведского монарха информацию чрезвычайной важности о «сепаратных» переговорах московских деятелей с врагом шведской короны – Сигизмундом, испросив, таким образом, себе милость и награду. Но зачем московским боярам надо было втягивать в это дело шведского авантюриста, предполагая, что он может побежать из Польши в Швецию и доложить обо всем шведскому королю?

Как нетрудно догадаться, именно затем и надо было. Направить шведского чиновника к злейшему сопернику Карла IX с тайным поручением урегулировать отношения между Сигизмундом и московским боярством – идея остроумная и дипломатически очень тонкая. В ней просматривается явный расчет на то, что шведский король, в случае если ему удастся подбросить информацию о «тайной» миссии своего чиновника, постоянно обеспокоенный, как и все участники данного политического треугольника, тем, что двое из них объединятся и образуют враждебный союз против третьего, станет также добиваться сепаратных союзнических отношений с московским двором и будет связан этой политической

альтернативой по крайней мере на какое-то время, а следовательно, будет и предсказуем, поскольку станет играть роль по сценарию, ему подброшенному.

Так, собственно, и получилось. Петрей после встречи с Сигизмундом, где-то в 1606 г., действительно выныривает в Швеции. Опять точно неизвестно, когда и как он туда добрался, но тем не менее Петрей обнаруживается в это время в Стокгольме и в положении явно упроченном. Его принимают на королевскую службу, и король благоволит ему. Одновременно Карл IX начинает искать союзнических отношений с Русским государством. После гибели Лжедмитрия и избрания на царство 19 мая 1606 г. Василия Шуйского уже в июне 1606 г. Карл IX стал предпринимать шаги для организации переговоров с представителями нового московского царя. Во всех шведских официальных документах подчеркивается, что вопросом первостепенной важности для шведского короля являлась необходимость не опоздать выказать поддержку новому правителю на русском троне с целью предупредить установление тесных отношений между царем и польским королем.

Московские бояре XVII в. Иллюстрация из книги «Описа-

ния одежды и вооружения Российских войск»

Дипломатические обращения со шведской стороны осуществлялись как из Нарвы и Выборга через воевод Новгорода и Корелы (Приозерска), так и в виде официальных миссий в Москву. В литературе имеются сведения о посольстве С. Леммия в конце 1606 – начале 1607 г. и о посольстве Бернда Ньюмана в сентябре 1607 – апреле 1608 г.

Нарвский замок, 2005 г. Фото Андрея Симонова

Активную роль в этих дипломатических связях стал играть и П. Петрей, бывшее «доверенное лицо» и «посредник» московских бояр в контактах с окружением Сигизмунда III.

Но теперь он уже возвысился до некоего официального дипломатического посланника. В конце лета 1607 г. Карл послал Петрея в Москву, где ему предоставлялась возможность встречаться с царем Василием Шуйским. Во время этих встреч П. Петрей пытался активно агитировать в пользу русско-шведского союза, доказывая царю, что явление Лжедмитрия – дело Сигизмунда и папы, желающих овладеть Россией, и предлагал от имени Карла IX помощь и поддержку. Поскольку Василий Шуйский был одним из тех, кто несколько месяцев назад снарядил П. Петрея с «тайной» миссией к Сигизмунду III, то сейчас, в первый год своего правления, царь имел право быть довольным результатом своей дипломатии: Карл IX усиленно ищет союза с ним и интригует против Сигизмунда. Но Василий Шуйский не спешил заключать союз с Карлом IX, поскольку надеялся обойтись без войны с Сигизмундом.

В отношениях же с Сигизмундом разыгрывалась своя карта. Эта карта общеизвестна – предложение королевичу Владиславу, сыну Сигизмунда, выступить кандидатом на царский трон. Многие могут возразить: как же так? Ведь в литературе давно уже утвердилась мысль о том, что к поискам иноземного кандидата на русский престол обратились от разочарования и неверия в отечественных кандидатов: вот, дескать, опять «туземцы» отправились бить челом «иноземцам», поскольку видели в них лучшую альтернативу. Такие толкования весьма распространены в исторической литера-

туре.

К вопросу об альтернативе мы еще вернемся, но с разочарованием и неверием постараемся разобраться сейчас же. Для этого надо только уточнить, когда именно и кем была впервые выдвинута мысль о кандидатуре королевича Владислава на московский престол. Да вот именно тем же кружком московских бояр во главе с Василием Шуйским и была выдвинута. В то же самое время, когда была организована поездка П. Петрея к Сигизмунду, почти параллельно с ней в Краков из Москвы была отправлена еще одна дипломатическая миссия во главе с Иваном Безобразовым. Официально Иван Безобразов являлся царским гонцом с грамотами от Лжедмитрия I к королю Сигизмунду. Но кроме официально-го поручения Иван Безобразов имел и секретное задание от московских бояр, а именно: уведомить короля Сигизмунда о желании бояр избавиться от Лжедмитрия и предложить его сыну королевичу Владиславу выступить кандидатом на царский престол.

Польский королевич Владислав

Таким образом, идея о том, что к «иноземцам» стали обращаться с горя, не видя других средств для преодоления кризиса, выступает скорее как плод сухой академической

мечтательности, а не как результат анализа реальной действительности. Совершенно очевидно, что обращение к Сигизмунду относительно его сына с самого начала было частью дипломатической игры московского боярства с целью занять мысли одного из своих соседей-противников увлекательным политическим прожектором и тем самым нейтрализовать его хотя бы на время.

Трон царя Михаила Фёдоровича Романова. Кремль, Оружейная палата.

Фото С.М. Прокудина-Горского, 1913 г.

Эта часть игры велась в глубокой тайне от второго соседа – Карла IX, который получил только часть информации о том, что московское боярство ищет союзников, собираясь свергнуть Лжедмитрия I. И как только свержение произошло, шведский двор поспешил предложить в союзники себя, выставляя Сигизмунда в самом невыгодном свете. Но правительство Василия Шуйского, как уже было сказано, занимало выжидательную позицию относительно шведских предложений. Из ответов московского царя Карлу IX следовало, что путем этих проволочек старались выиграть время и, удерживая в силках дипломатической казуистики как Карла IX, так и Сигизмунда, пытались избежать открытых военных действий с обоими и, таким образом, могли сосредоточить все силы на борьбе с внутренней смутой.

*Михаил Романов на памятнике «Тысячелетие России»
в Великом Новгороде*

А Петрея московские бояре явно надули, отведя ему роль пешки в чужой игре. Думаю, что со временем он разобрался в этом и отсюда его особая озлобленность в описании москвитов как лживого и коварного отродья. Что ж, по-человечески можно понять Петрея: возмечтать о себе как об участнике крупной политической акции, а потом обнаружить, что его просто использовали в политическом блефе, – не слишком приятное открытие.

Но вернёмся к прерванному описанию событий. В февра-

ле 1609 г. между представителями Василия Шуйского и Карла IX был заключен Выборгский договор о присылке наемного отряда численностью 5000 человек (3000 пеших и 2000 конных) под шведским командованием в лице Якоба Делагарди в распоряжение князя М.В. Скопина-Шуйского. Это подтолкнуло к действию короля Сигизмунда. Он счел союз Василия Шуйского со своим заклятым врагом Карлом IX достаточно легитимным поводом для начала открытых военных действий против Русского государства и, нарушив договор с Василием Шуйским, заключенный в июле 1608 г. на 3 года и 11 месяцев, в июле 1609 г. с большим войском выступил под Смоленск.

Противоправные действия более чем какие-либо другие нуждаются в благовидном идеологическом обосновании. Поэтому для агитации в пределах Русского государства Сигизмунд ловко использовал идею кандидатуры Владислава на московский престол, что три года тому назад ему предложили московские бояре, дипломатическая игра которых теперь обернулась против Русского государства. Момент и все обстоятельства подходили как нельзя лучше: престарелый царь Василий Шуйский не имел своих детей и бесспорных наследников, и с его смертью язва безвластия стала бы и дальше разъедать Русское государство. Так тонкости дипломатии оборачиваются иногда против того, кто их сотворил.

Ход описываемых событий известен: летом 1610 г. Бо-

ярская дума, создавшаяся в Москве после отстранения Василия Шуйского от власти, вынуждена была принять решение без совета с городами и согласиться на предложение командующего польскими войсками Жолкевского, направив ему условия, на которых Русское государство готово было признать Владислава царем. Начались переговоры, в результате которых гетман Жолкевский подписал условия, и в августе 1610 г. на Девичьем поле на имя Владислава была принесена присяга московскими жителями. Но Владислав был избран только Москвой, без ведома других городов и без договоренности с лидерами ополчения. В это же время Сигизмунд прислал Жолкевскому письмо, в котором требовал, чтобы Москва была занята его именем, а не Владиславовым: избрание Владислава, таким образом, становилось бесчестным обманом. К Сигизмунду были отправлены послы из Москвы для утверждения условий и встречи с Владиславом. Переговоры с Сигизмундом затянулись на месяцы. Сигизмунд требовал присяги и себе, и сыну, грозил военными действиями.

Между тем с избранием Владислава менялись и отношения Русского государства со шведским королем и с наемными шведскими отрядами: Василий Шуйский свержен, на московском престоле – враг Карла IX, правовых отношений ни с кем из представителей русских властей нет. На территории Русского государства находились остатки отряда Де-

лагарди, а также другие небольшие шведские отряды, которые параллельно с «союзническими» действиями его отряда уже с осени 1609 г. предпринимали безуспешные попытки захватить Ивангород, Ям, Копорье, Орешек.

Еще летом 1609 г. Карл IX предложил дополнительные военные отряды царю Василию, но в награду за это потребовал отдать ему Орешек, Ладугу и часть Кольского полуострова до мыса Святой Нос. Тогда же был отдан тайный приказ Делагарди: если русские будут нарушать свои обязательства (по выдаче жалованья, например), то Делагарди должен воспользоваться этим как предлогом и захватить Новгород.

Некоторыми исследователями высказывались предположения о том, что Делагарди сам провоцировал мятежи в своем отряде, умышленно задерживая жалованье, чтобы иметь законный повод отступать к русско-шведской границе и держаться вблизи Новгорода.

*Граф Якоб Делагарди.
Портрет из Национального музея Швеции*

Осенью 1609 г. военный отряд под командованием Балтазара Бека и Исаака Бема получил приказ выступить на захват Колы. Походы шведов на Русский Север с целью захвата северных русских городов и торговых пунктов начались еще в период правления Густава Васы, а затем продолжались и в правление его сына – Юхана III. Во время походов 1586, 1589, 1590, 1591 гг. предпринимались попытки захватить весь Мурманский берег, побережье Белого моря, Соловецкие острова, Архангельск, Сумской острог – попытки, закончившиеся полным крахом. Шведскую корону привлекала русская северная торговля и, соответственно, стремление установить контроль над ней с целью извлечения доходов. Карл IX продолжил безуспешную политику своих предшественников, но и его попытки захватить силой северные русские города успеха не принесли.

Там, где оружие бессильно, в дело снова вступает дипломатия. На фоне успехов династийных притязаний польского короля и его сына летом 1610 г. родился аналогичный ему проект, но уже со шведским принцем. В исторической литературе на сегодняшний день нет полного единства по вопросу о том, кому первому принадлежала идея о выдвижении одного из шведских принцев в кандидаты на московский престол. В работах историков начала XX в. проводилась мысль о том, что идея избрания шведского принца в русские цари родилась в самом московском ополчении (т. е.

весной – летом 1611 г.), при обсуждении различных кандидатур и как альтернатива выходцам из русских боярских родов (эта вечная идея альтернативы!).

Но есть данные, которые свидетельствуют о том, что эта идея исходила от Делагарди и стала распространяться им по его собственной инициативе, без официального одобрения Карлом IX, весной 1611 г. Однако есть также основание полагать, что мысль вмешаться в династийные дела Русского государства возникает в самом Стокгольме, хотя до поры до времени скорее витает, чем принимает конкретные формы королевского приказа. В сборнике документов «Sveriges krig» («Войны Швеции»), со ссылкой на шведские архивные документы, говорится, что весной 1610 г. Карл IX принимает решение захватить несколько северо-западных русских городов. Собирается сводный военный отряд численностью в 7000 человек под командованием шведского наместника в Ревеле Андерса Ларссона, которому отдается приказ выступить в направлении Ивангорода, Яма и Пскова, жители которых присягали Лжедмитрию II, и силой или хитростью принудить эти города сдаться и присягнуть либо царю Василию, либо шведскому королю.

Царь Михаил Фёдорович и бояре. Художник А.П. Рябушкин, 1893 г.

Отряд шведского воеводы Делагарди близ Новгорода в 1609 году. Гравюра Шюблера с рисунка Р. Штейна, 1896 г.

Но ход событий подгонял развитие политических прожектов. Летом 1611 г. представители русского народного ополчения, зародившегося в конце 1610 – начале 1611 г. и взявшего на себя роль своеобразного временного правительства в условиях бездействия Думы, начали переговоры с Делагарди, который подтянул тогда свой отряд под стены Новгорода.

Из этого можно заключить, что мысль о шведском кандидате на русский престол родилась в шведской среде где-то через год после того, как была обнародована инициатива короля Сигизмунда по предъявлению прав на русский престол,

послужившая интерлюдией к завоеванию Карлом IX русских городов. Действия Сигизмунда явно соблазнили и политическую мысль Швеции. Еще связанный союзническими отношениями с царем Василием Шуйским, Карл IX уже, вероятно, начинает увлекаться планом использовать идею Сигизмунда в собственном сценарии. Это было, вероятно, неизвестно в шведских придворных и военных кругах, что и объясняет предприимчивость и дерзость Делагарди в его политической инициативе выступить ходатаем за кандидатуру шведского принца как за нового кандидата «со стороны».

Новгородский торг. Картина Аполлинария Васнецова, 1909 г.

Представитель ополчения Василий Бутурлин предлагал от имени московских чинов заключить новый договор о мире, об участии шведских отрядов в военных действиях под Москвой на стороне ополчения против поляков, а также о приглашении одного из сыновей шведского короля «на великое княжение в Московию». Делагарди от имени шведского короля требовал передачи шведам городов Орешка, Ладоги, Яма, Копорья, Ивангорода, Гдова. «Лучше умереть на своей земле, нежели искать спасения такими уступками», – был ответ послов московского ополчения. В качестве ответного предложения шведам были обещаны деньги, если они уйдут от Новгорода к Москве и примут участие в сражениях с польскими отрядами на стороне ополчения.

8 июля Делагарди попытался ворваться в Новгород, но приступ был отбит. Ночью с 15 на 16 июля шведский отряд вломился в западную часть города, в Чудинцовские ворота. Все спали. Воины Делагарди резали безоружных. Началась паника: люди бросались в реку, бежали в поле, в лес. Сражалась только горсть воинов под начальством головы стрелецкого Василия Гаютина, атамана Шарова, дьяков Голенищева и Орлова: они не хотели сдаться и все погибли. В городе начался пожар, и воевода князь Никита Одоевский предложил Делагарди мирные условия. Договор заключили 17 июля от имени Карла IX и Новгорода, где, в частности, говорилось о том, что новгородцы, отвергнув короля Сигизмунда

и наследника его, признают своим защитником и покровителем короля шведского с тем, чтобы Россия и Швеция вместе выступали против их общего врага, а также чтобы один из сыновей шведского короля Густав Адольф или Карл Филипп был бы царем и Великим князем Владимирским и Московским. В договоре подчеркивалось, что его условия должны будут исполняться Новгородом даже в том случае, если «московское правительство, вопреки ожиданиям, не пожелает с ним согласиться».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.